

просвещенческая вера в то, что человек вольно или невольно, в той или иной степени предопределяет воздействие на него случая, была тем компромиссом, к которому его мысль регулярно возвращалась от крайностей каузальности и казуальности. Неверный жест Германна, собственной рукой выгатащившего не ту карту, и заячий тулупчик, подаренный Петрушей «вожатому» в «Капитанской дочке», — из числа тех самых «неслучайных случайностей».

Н. Н. Мазур

ГАСКОНЕЦ ИЛИ ХВАСТУН: О ПЕРЕВОДЕ ОДНОГО ИЗ НАБРОСКОВ ПРЕДИСЛОВИЯ К «БОРИСУ ГОДУНОВУ»

Как известно, пьеса «Борис Годунов» вышла в свет без предисловия. Пушкин не оставил идеи такого предисловия, но отложил его до второго издания трагедии, которому не суждено было появиться при его жизни.¹ Свои мысли о русском театре и о «Борисе Годунове» Пушкин неоднократно излагал в письмах (П. А. Вяземскому, В. А. Жуковскому, Н. Н. Раевскому-младшему), в статьях и заметках («О народной драме и драме “Марфа посадница”») и в том, что считается «набросками предисловия к “Борису Годунову”». Сохранилось несколько таких набросков, которые создавались в разное время, преимущественно в 1829–1830 гг., когда появилась надежда на издание пьесы. Этот комплекс текстов, однако, неоднороден (часть отрывков написана по-французски, часть — по-русски) и в разных изданиях Пушкина (начиная с издания П. В. Анненкова и кончая советскими изданиями) печатался по-разному. История вопроса подробно изложена в комментированном издании «Бориса Годунова», вышедшем в 2008 г. под редакцией М. Н. Виролайнен и А. А. Долинина, а также в 7-м томе нового Полного собрания сочинений Пушкина, к которым мы и отсылаем читателя.²

Редакторы этих изданий, в частности, не включили в состав набросков черновое письмо Н. Н. Раевскому-младшему от 30 января

¹ В октябре — начале ноября 1831 г., обдумывая возможность переиздания «Бориса Годунова», Пушкин писал Е. Ф. Розену: «...думаю для второго издания написать к вам письмо, если позволите, и в нем изложить свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя мою трагедию» (XIV, 240).

² *Пушкин А. С.* Соч.: Комментированное издание / Под общ. ред. Д. М. Бетеа. М., 2008. Т. 2: Борис Годунов. С. 338–359 (примеч. М. Н. Виролайнен); АПСС. Т. 7 / Под ред. Л. М. Лотман и М. Н. Виролайнен. С. 717–731 (примеч. М. Н. Виролайнен).

(возможно, июня или июля) 1829 г., которое иногда печаталось именно в качестве наброска предисловия к «Борису Годунову».³ По их мнению, в этом черновике допустимо видеть «прообраз задуманного предисловия — но никак не его текст. Имеющаяся в письме фраза о грубых непристойностях, которые исчезнут при первой же переписке, совершенно бессмысленна в предисловии к печатному изданию».⁴

Тем не менее этот «прообраз» не лишен интереса, и нам хотелось бы уделить ему внимание. Заметим, что сами комментаторы упомянутых изданий не раз ссылаются на него. Ведь черновое письмо Н. Н. Раевскому-младшему звучит, во-первых, по справедливому замечанию Г. О. Винокура, «как авторская декларация, и служит частичным объяснением изменения сюжетного плана»,⁵ то есть появления польской линии, польских сцен. Во-вторых, в этом письме Пушкин подробно разбирает характер нескольких персонажей пьесы: Гаврилы Пушкина, Василия Шуйского, Марины и Дмитрия. Он, в частности, рисует необычный портрет Дмитрия, в котором видит сходство с Генрихом IV Наваррским (король Франции с 1589 по 1610 г.). Мы еще вернемся к этому сопоставлению, которое нам представляется любопытным и к которому, быть может, критика не испытывает должного интереса, хотя, разумеется, о нем писали — в первую очередь, А. М. Гуревич и Л. М. Лотман.⁶

Но сначала следует остановиться на самом отрывке о Дмитрии и на его переводе на русский язык, поскольку оригинал написан по-французски:

«Il y a beaucoup du Henri 4 dans Дмитрий. Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion — tous deux abjurant leur foi pour cause politique, tous deux aimant les plaisirs et la guerre, tous deux donnant dans des [chimères] projets chimériques — [tout] tous deux en butte aux conspirations... Mais Henri 4 n'a pas à se reprocher Ksenija — il

³ См. последние строки письма: «Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire. Gardez-la je vous prie, car j'en aurai besoin, si le diable me tente de faire une préface» (XIV, 48; перевод: «Письмо мое вышло длиннее, чем я хотел. Прошу Вас, сохраните его, так как оно мне понадобится, если черт меня попутает написать предисловие» — XIV, 396). Содержание письма вторит предыдущему письму (черновому) тому же адресату от второй половины 1825 г. (XIII, 196–198, 540–542; оригинал по-фр.)

⁴ АПСС. Т. 7. С. 718.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 7: Драматические произведения. С. 390 (коммент Г. О. Винокура).

⁶ Гуревич А. М. История и современность в «Борисе Годунове» // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и яз. 1984. Т. 43, № 3. С. 211; Лотман Л. М. Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. СПб., 1996. С. 328. Винокур только мельком пишет об этом сопоставлении, см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 486.

est vrai que cette horrible accusation n'est pas prouvée et quant à moi je me fais une religion de ne pas y croire» («В Дмитриии много общего с Генрихом IV. Подобно ему он храбр, великодушен и хвастлив, подобно ему равнодушен к религии — оба они из политических соображений отрекаются от своей веры, оба любят удовольствия и войну, оба увлекаются несбыточными замыслами, оба являются жертвами заговоров... Но у Генриха IV не было на совести Ксении — правда, это ужасное обвинение не доказано, и я лично считаю своей священной обязанностью ему не верить») (XIV, 48, 396 (оригинал по-фр.)).

Тут нечего сказать, смысл оригинала передан точно. Однако слово «gascon» переведено как «хвастлив», то есть в переносном смысле, который оно действительно имеет во французском языке уже в XVII в.⁷ По смыслу все правильно, но приходится, воспользовавшись терминологией Ю. Н. Тынянова, сказать, что пропадают «основной признак значения» и «лексическая окраска» подлинника.⁸ Ведь раз речь идет о Генрихе IV, не следовало ли сохранить и первое значение слова (уроженец Гасконии) и перевести «gascon» как «гасконец»? Генрих IV и был гасконцем в прямом смысле, хотя, строго говоря, он родился в Беарне, в городе По, и одно из его прозвищ — беарнец, le Béarnais. Но Беарн — часть Гасконии, в литературе Генриха IV называют и королем-гасконцем («le roi gascon», «le petit gascon»). В другом переводе того же отрывка «gascon» передано именно как «гасконец». Перевод принадлежит скорее всего Б. В. Томашевскому, так как находится в статье «Генрих IV», написанной им для «Путеводителя по Пушкину» 1931 г.: «В Дмитриии много Генриха IV — он такой же сильный, великодушный, такой же гасконец, так же безразличен в делах веры — оба меняют религию из политических соображений, оба любят удовольствия и войну, оба увлекаются химерическими проектами, оба жертвы заговоров» (далее отсутствует фраза о Ксении).⁹

Детальный разбор этих переводов не входит в нашу задачу. Однако нельзя не отметить между ними стилистических отличий.

⁷ См. первое издание Словаря Французской академии (1694): «GASCON, [gasc]onne. s. (l'S se prononce.) On ne le met point icy comme un nom de nation; mais parce que l'on s'en sert quelquefois pour signifier un fanfaron, un hableur. Il se vante de telle & telle chose, mais c'est un gascon. Gasconnade. s. f. Fanfaronnade, vanterie de quelque chose fausse ou peu croyable. Cet homme se vante d'avoir esté a trente combats, mais ce sont autant de gasconnades. Il se vante d'avoir vingt mille livres de rente, d'estre bien à la Cour, mais ce sont des gasconnades. Faire des gasconnades» (<http://portail.atilf.fr/cgi-bin/dico1look.pl?stripedhw=gascon>; обращение 18.07.2013).

⁸ См.: Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л., 1924. С. 51–52, 57.

⁹ Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931. С. 101.

Первый перевод более литературен и, главное, ставит перед собой задачу истолкования текста (объясняет смысл оригинала). Второй в каком-то смысле более небрежен, но он ближе к французскому подлиннику. В нем переводчик позволил себе употребить русские слова, восходящие к французским. «Chimérique» он перевел как «химерический», вместо «несбыточного» в первом переводе. Тут вспоминается князь П. А. Вяземский, который предпочел перевести французские слова «païf» и «sérieux» как «наивный» и «серьезный», отказавшись от русских эквивалентов «чистосердечный, простосердечный, откровенный» для слова «païf» и «важный, степенный» для «sérieux».¹⁰

Приведенный пример лишний раз доказывает, как хорошо владел французским языком Пушкин и как не просто перевести его французские тексты. Это осознавал первый его биограф П. В. Анненков, в «Материалах для биографии Пушкина» писавший именно о русском переводе интересующего нас письма Н. Н. Раевского-младшему: «Всякий, кто потрудится сличить перевод наш с оригиналами, отнесенными нами в “Приложения”, конечно, увидит, как много потеряли они здесь в энергии выражения и в колорите вообще».¹¹ Кстати, в тексте письма Н. Н. Раевского-младшему, процитированном Анненковым, отсутствуют строки о Димитрии (в переводе, как и во французском оригинале¹²). По свидетельству самого Анненкова, эти строки были «предложены к исключению г. цензором», как и мнение Пушкина о Шуйском.¹³ Не напечатанное в издании Анненкова сравнение Димитрия с Генрихом IV отсутствует и в изданиях сочинений Пушкина под редакцией Г. Н. Геннади.¹⁴ Рассказывая в 1881 г. об отвергнутых цензурой строках о Димитрии, Анненков перевел «gascon» как «хвастлив».¹⁵ Других переводов отрывка, которые заслуживали бы внимания, нам пока не удалось найти. Как правило, в изданиях писем Пушкина, предпринятых в конце XIX — начале XX в., написанные

¹⁰ См.: Ахматова А. А. «Адольф» Бенжамена Констан в творчестве Пушкина // Ахматова А. А. О Пушкине. Л., 1977. С. 61.

¹¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина // Анн. Т. 1. С. 132–133. Кстати, об этих «французских письмах Пушкина о трагедии» биограф пишет, что «они, может быть, замечательнее всех, писанных им по этому случаю» (Там же. С. 132).

¹² См.: Анненков 1855. С. 133–135, 442–444.

¹³ См.: Анненков П. В. Любопытная тяжба: Заметки // Вестник Европы. 1881. № 1. С. 21–23.

¹⁴ См.: Генн. 1859. Т. 4. С. 66; Генн. 1869–71. Т. 4. С. 438.

¹⁵ Анненков П. В. Любопытная тяжба. С. 22.

по-французски письма не переводятся.¹⁶ А там, где есть перевод, слово «gascon» передано как «хвастлив».¹⁷

Теперь хотелось бы перейти непосредственно к интерпретации этих строк. Ведь как бы ни перевести слово «gascon», вопрос о значении сопоставления Генриха IV и Димитрия остается открытым. На первый взгляд, сопоставление кажется странным, и все же между двумя названными Пушкиным историческими лицами можно выявить некоторые точки соприкосновения. Они были современниками и оба находились во главе страны в кризисную эпоху: в России — Смутное время, во Франции — религиозные войны между католиками и протестантами. Вопрос о законности обоих государей стоял весьма остро (в глазах партии католиков Генрих IV, который принадлежал младшей линии королевского дома и был сыном протестантки, так и остался узурпатором). Оба легко, казалось бы, меняли религию по политическим соображениям. Димитрий из православия перешел в католичество, Генрих Наваррский, глава протестантов, принял католичество. Тем не менее и Генриху IV, и Димитрию пришлось завоевать столицу и бороться против соотечественников. И тот и другой трагически погибли («оба — жертвы заговоров»). Но между ними как историческими лицами — пропасть. Во Франции при Генрихе IV упрочился гражданский мир (Нантский эдикт 1598 г.¹⁸). Страна экономически расцвела. Генрих IV стал очень популярным во Франции. «После его смерти его изображали как друга народа, как идеального короля, прославляли не только его политическую деятельность, но и личную жизнь, причем даже недостатки (любовные похождения и так далее) изображали в идеальном виде».¹⁹ При нем же французская монархия стала еще сильнее. А Димитрий удержался у власти лишь два года, и нельзя сказать, чтобы оставил о себе хорошую память. Как уже было отмечено критикой, Димитрий не интересует Пушкина как политик, как историческое лицо, а скорее как театральная персона, как своего рода романтический герой. Тут коренится причина глубокого расхождения между изображением Димитрия у Карамзина, у других русских писателей — предшественников Пушкина (А. П. Сумарокова, В. Т. Нарезного) и у самого Пушкина. Можно даже говорить

¹⁶ См.: Ефр. 1903—05. Т. 7. С. 313—316; Мор. 1903—06. Т. 8. С. 185—187; Пушкин А. С. Переписка / Под ред. и с примеч. В. И. Сайтова. СПб., 1908. Т. 2. С. 86—89.

¹⁷ См., в частности: Ефр. 1882. Т. 7. С. 279; Ефр. 1887. Т. 7. С. 245.

¹⁸ Протестантам предоставлялась свобода вероисповедания и богослужения в городах (кроме Парижа и ряда других городов), в замках и в ряде сельских местностей.

¹⁹ Путеводитель по Пушкину. С. 101.

о метаморфозе Дмитрия у Пушкина.²⁰ Как пишет И. З. Серман, «пушкинский Самозванец как человеческий тип и так, как он изображен, — новое явление для русского XVII в. Это человек, в котором личность преобладает над сословным, привычным и традиционным. Он весь — нарушение традиции. Монах — и не верит в Бога, русский — прекрасно чувствует себя в Польше, в среде самой утонченной аристократии, русский царь (претендует на русский престол) — ведет себя как рядовой искатель приключений, государственный деятель — руководствуется поэтическими мечтами. Самозванец живет по принципу интенсивного отношения к каждому моменту бытия без оглядки на прошлое и со спокойной уверенностью в будущем».²¹ О незаурядности пушкинского Дмитрия писали также Г. О. Винокур, Е. Г. Эткинд и многие другие.²² В этом отношении можно разглядеть в Дмитрии своего рода прообраз будущих пушкинских героев типа Пугачева, которые долгому размеренному существованию предпочитают короткую, но бурную жизнь (вспомним сказку про орла и ворона). Не случайно в разговоре с Гриневым Пугачев приводит пример Дмитрия («А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал?» — VIII, 332). Пушкин так очарован Дмитрием, что не хочет даже верить в его преступления (Ксения Годунова). В конце пьесы не ясно, кто является причиной гибели жены и сына Годунова. Так что характеристика Дмитрия как «гасконца» вполне подходит к общей трактовке персонажа как «авантюриста», как романтического героя. По мнению А. М. Гуревича, сопоставление с Генрихом IV служит даже своего рода оправданием со стороны Пушкина для столь далекой от истории трактовки Дмитрия.²³

Как бы то ни было, может быть, стоит еще задуматься над причинами, побудившими Пушкина провести такую историческую параллель. Можно, естественно, сослаться на его известный интерес к истории Франции. В письме Н. Н. Раевскому-младшему, о котором идет речь, есть и другой намек на историю Франции (времен революции²⁴). По М. П. Алексееву, слова «народ безмолвствует»

²⁰ См.: Гуревич А. М. История и современность в «Борисе Годунове». С. 211.

²¹ Серман И. З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 122.

²² См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 486 (коммент. Г. О. Винокура); Эткинд Е. «Сей ратник, вольностью венчанный...»: Гришка Отрепьев, император Наполеон, маршал Ней и другие // *Revue des Etudes Slaves*. Paris, 1987. Т. 59. Fasc. 1/2: Alexandre Puškin. 1799–1837. P. 55–62.

²³ Гуревич А. М. История и современность в «Борисе Годунове». С. 211.

²⁴ По поводу Гаврилы Пушкина есть такие строки: «Он был всем, чем угодно, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище — городе, который он сжег (в наказание за что-то), подобно проконсулам Национального Конвента...» (XIV, 47, 395–396

инспирированы фразой Мирабо «Le silence des peuples est la leçon des rois» («Молчание народа — урок королям»)²⁵ В «Метели», как известно, есть и аллюзия на известную песню о Генрихе IV.²⁶ Но, вероятно, мысль о сопоставлении Димитрия и Генриха IV просто навеяна Пушкину чтением Карамзина и Жака Маржерета, как об этом пишет Л. М. Лотман.²⁷

В «Истории Государства Российского» мы находим сообщение о том, что Самозванец «изъявлял особенное уважение к королю французскому Генриху IV»²⁸ со ссылкой на записки французского капитана. «Он был честолюбив, — пишет Маржерет, — намеревался стать известным потомству и решился, отдав уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего тысяча шестьсот шестого года плыть с английскими кораблями во Францию, дабы приветствовать христианнейшего короля и завязать отношения с ним, о котором он мне говорил много раз с великим почтением».²⁹ Как сказано в комментарии к последнему русскому изданию записок Маржерета 1607 г., «трудно понять, идет ли речь о намерении Самозванца самому со свитой отправиться во Францию (что крайне маловероятно) или же планировалось представительное посольство из знатных и близких к царю лиц».³⁰

(оригинал по-фр.). Пушкин имеет в виду членов Конвента Ж.-О. Кутона (1755–1794) и Э. Л.-А. Дюбуа-Крансе (1747–1814), жестоко подавивших Лионское восстание в августе 1793 г. (см.: Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб., 2003. С. 458; примеч. Е. О. Ларионовой).

²⁵ Алексеев М. П. Ремарка Пушкина «Народ безмолвствует» // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 244–250.

²⁶ Песня из пьесы Шарля Колле (Collé; 1709–1783) «Генрих IV на охоте» («La partie de chasse de Henri IV», 1760) как раз совпадает с изображением Генриха IV как «гасконца»: «Vive Henri IV! / Vive ce roi vaillant! / Ce diable à quatre / A le triple talent / De boire et de battre / Et d'être un vert galant».

²⁷ Лотман Л. М. Историко-литературный комментарий. С. 328.

²⁸ Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1824. Т. 11. С. 218.

²⁹ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Березовича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 173. «Христианнейший король» — официальный титул французских королей с XV в. Французский оригинал: «...il estoit ambitieux, ses dessins estoient de se faire cognaistre à la posterité, & estoit deliberé ayant la donné commendement à son secrétaire de se preparer au mois d'Aoust dernier mil six cens six, pour partir avec les navires Angloises, pour venire en France congratuler le Roy très-Chrestien, & avoir correspondance avec luy, duquel il m'a parlé plusieurs fois avec grande reverence» (Там же. С. 99–100).

³⁰ Там же. С. 260 (сноска 247, примеч. В. Д. Назарова и П. Ю. Уварова).

Ясно одно: Маржерет и Карамзин сближают имена Генриха IV и Димитрия. Добавлю, что сам Маржерет (в биографии которого до сих пор много пробелов, точные даты рождения и смерти неизвестны: около 1560 — после 1618) и его семья (дядя Кретьен, в частности) принимали участие в борьбе Генриха IV за трон в Бургундии, откуда они были родом. В предисловии к своим запискам сам Маржерет дает понять, что Генрих IV его принял по возвращении из России и что сами записки составлены по его повелению.³¹ Последнее маловероятно, так как слишком мало времени отделяет его возвращение во Францию от выхода в свет его книги. Сам Маржерет, как известно, менял не религию, а государей: сначала служил Борису, затем Димитрию.³² Он верил в законность притязаний Самозванца и нарисовал его весьма привлекательный портрет (может быть, оказавший определенное влияние на пушкинское изображение Димитрия).

Интерес Пушкина к французскому наемнику очевиден: в библиотеке поэта имеется издание его записок;³³ введение капитана в число действующих лиц «Бориса Годунова» говорит само за себя. Словесный портрет Маржерета, основанный на смеси исковерканных русских слов и французской матерщины, видимо, свидетельствует о знакомстве с записками наемника.³⁴

Однако если сопоставление Дмитрия с Генрихом IV лестно для Самозванца, оно никоим образом не престижно для французского короля. Его портрет, нарисованный Пушкиным, никак не оригинален, но, главное, подчеркивает не лучшие его черты, а именно его любовные похождения, его химерические затеи, его оппортунизм, его любовь к войне, его хвастливость. Одним словом, перед нами не Генрих Великий, не мудрый король, а гасконский наемник. Этот сниженный образ Генриха IV тем любопытен, что совершенно не соответствует концепции короля, выдвинутой одним из любимых французских писателей Пушкина, Вольтером.

³¹ «...Россия, описание коей я предпринимаю по поручению Вашего Величества...» (Там же. С. 115); французский оригинал: «...la Russie, de laquelle j'entrepris ici la description par le commandement de vostre Majesté...» (Там же. С. 44).

³² Тот факт, что Маржерет и его семья поддерживали Генриха Наваррского, еще не доказательство того, что он был протестантом (см.: *Берелович Ан.* Капитан Маржерет во французских архивах // Маржерет Ж. Состояние Российской империи. С. 453).

³³ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 281. № 1131.

³⁴ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 498 (коммент. Г. О. Винокура).

В «Генриаде» (1723) Генрих IV чуть ли не идеальный государь, которому французы обязаны множеством всяких благ, прекращением религиозных войн в первую очередь. Вообще во Франции в XVIII в. не только Вольтер, но и другие философы считали Генриха IV своего рода образцом идеального короля, сумевшим осуществить «вечный мир». Сниженный образ Генриха IV, быть может, выражает личное мнение Пушкина: при его понимании дворянской чести и дворянского долга Генрих Наваррский мог казаться ему своего рода «авантюристом», который неоднократно менял религию, что недостойно короля. Но не исключено, что пушкинское изображение французского короля возникло под влиянием «Занимательных историй» Таллемана де Рео. Правда, первое печатное издание Таллемана вышло в 1834 г. (оно имеется в библиотеке Пушкина³⁵). Но Ю. М. Лотман, как известно, не исключал возможности знакомства поэта со списком «Занимательных историй»³⁶. Напомним, что часть «Занимательных историй» как раз и посвящена Генриху IV и что именно Таллеман распространял о нем нелестные анекдоты, существенно снижая его образ. Таллеман приводит анекдоты о любовных приключениях короля и не раз говорит о нем как о гасконце.³⁷ Ругательство «*Ventre-saint-gris*»,³⁸ употребленное Маржеретом в «Борисе Годунове», вложено в уста Генриха IV Таллеманом (а в записках Маржерета его нет).

Но почему сопоставление Дмитрия и Генриха IV до сих пор не привлекало сколько-нибудь пристального внимания исследователей? Конечно, мы имеем дело с черновиком, написанным через несколько лет после сочинения пьесы, и, возможно, не следует придавать ему чересчур большого значения. Тем не менее нам кажется, что это сопоставление представляет интерес и для трактовки фигуры пушкинского Самозванца, и для понимания поэтики, а также исторической концепции Пушкина. Пренебрежение этим сопоставлением может быть следствием того, что при анализе «Бориса Годунова» Франция, французская история,

³⁵ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 346. № 1421.

³⁶ См.: Лотман Ю. М. Пушкин и «*Historiettes*» Таллемана де Рео // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1997. С. 350–354.

³⁷ Напомню, что в статье Лотмана высказано предположение, что к Таллеману де Рео восходят пушкинская эпиграмма «Певец-Давид был ростом мал...» и басня И. И. Дмитриева «Прохожий», в 1803 г. опубликованная в «Вестнике Европы» Карамзина. При этом Дмитриевым использован приведенный Таллеманом анекдот о Генрихе IV.

³⁸ Переведено в русском издании как «Черт подери» (Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории / Пер. и примеч. А. А. Энгельке. Л., 1974. С. 12).

равно как и французская литература, как будто бы ни при чем. Ведь главный исторический источник Пушкина при написании пьесы — национальные памятники, «История Государства Российского» Карамзина и летописи. А в литературном плане писатель ориентируется на Шекспира, отталкиваясь от классического театра, от Расина: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драм<атические> форм<ы> одну из самых драматических эпох новейшей истории». ³⁹

Однако при всем этом Пушкин, возможно, не совсем порвал с традицией французского театра. Как справедливо отметил Ф. Д. Батюшков, «увлекаясь Шекспиром и вчитываясь в Байрона, Пушкин оставался в то же время воспитанником “Лицея” Лагарпа и сохранил чувство высокого удивления перед французскими классиками XVII в.». ⁴⁰

Поэтому при изучении «Бориса Годунова» нельзя исключать значение французского контекста. Дело не сводится к изображению Маржерета, историческая параллель, которая рисовалась Пушкину

³⁹ АПСС. Т. 7. С. 94. Ср.: «Нам могут заметить — при чем тут Расин, когда Пушкин сам заявил, что, создавая Годунова, он старался лишь подражать Шекспиру, следовал Карамзину и летописям, и свою драму написал “в строгом уединении, не смущаемый никаким чужим влиянием?”» (*Батюшков Ф. Д. Пушкин и Расин: («Борис Годунов» и «Athalie») // Памяти А. С. Пушкина: Сборник статей преподавателей и слушателей Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1900. С. 2–3).*

⁴⁰ Там же. С. 4. Ср. также мнение Б. В. Томашевского: «Весь шекспиризм Пушкина есть его освобождение от внешней формы классического театра, но в своем отказе от классицизма Пушкин не затронул главного различия классической и шекспировской системы, а именно словесную систему драматургии Расина» (*Томашевский Б. В. За подлинного Пушкина // Литературный современник. 1936. № 8. С. 173*). В издании Пушкина под ред. С. А. Венгера Ф. Д. Батюшков как автор очерка о «Борисе Годунове» цитирует письмо к Раевскому, но не комментирует параллель между Генрихом IV и Дмитрием (он переводит «gascon» как «хвастлив», но дает в скобках французское слово, употребленное Пушкиным): «Пушкин проводит параллель между Дмитрием и Генрихом IV: оба храбры, великодушны, хвастливы (gascon), безразличны к религии, отказываясь от своей веры по причинам политическим; оба любили удовольствия и войну, впадали в химерические предприятия, служили мишенью для заговоров» (*Венг. Т. 2. С. 303*). О связях «Бориса Годунова» с народным театром см.: *Попова И. Мистерийные корни русского театра: Ассимиляция европейской традиции // От текста — к сцене: Российско-французские театральные взаимоотношения XIX–XX веков. М., 2006. С. 273–287*. См. также: *Попова И. Немая сцена у Пушкина и Гоголя: («Борис Годунов» и «Ревизор») // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и яз. 1991. Т. 50. № 5. С. 459–466.*

между эпохой французских религиозных войн и русского Смутного времени, ставит перед исследователями более широкую проблему. Ведь в набросках предисловия к «Борису Годунову» имеется и другой французский контекст, цитата из «Опытов» Монтеня: «C'est une oeuvre de bonne foi» («Это добросовестная книга»)⁴¹. Цитата эта мало подходит к содержанию пушкинского высказывания. Монтень — не автор исторической драмы, он никому не ставит в вину убийство наследника престола; он также не пишет лояльное произведение;⁴² его добросовестность касается изображения самого себя («...c'est moi-même que je reïns <...> je suis moi-même la matiere de mon livre»)⁴³. Конечно, эта цитата очень известна и можно ее привести при любом контексте, но не присутствует ли здесь Монтень просто как современник событий, как личность, связанная с религиозными войнами во Франции и с Генрихом IV, как умеренный католик, который служил посредником между лигой и Генрихом Наваррским и в произведении которого можно также найти дух эпохи?

К. Денретто

О РИСУНКЕ ПУШКИНА В ТОМЕ «CLARISSE HARLOVE» ИЗ БИБЛИОТЕКИ ТРИГОРСКОГО

Первое знакомство Пушкина с романами Ричардсона состоялось осенью 1824 г., вскоре после прибытия поэта в Михайловское. Некоторым избавлением от деревенской скуки в псковской глуши стали книги, найденные им в библиотеке Тригорского. Среди них оказался и роман «Clarisse Harlove» в переводе аббата Прево.¹ Любовная история Клариссы и лорда Ловласа заинтересовала Пушкина

⁴¹ АПСС. Т. 7. С. 93. Перевод Б. В. Томашевского: «Это сочинение — чистосердечно» (*Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 104*). По мнению исследователя, «Монтень, по-видимому, входил в круг постоянного чтения Пушкина» (Там же).

⁴² Ср. в письме Пушкина к П. А. Вяземскому около 7 ноября 1825 г.: «...цензура его не пропустит. <...> Хоть она и в хорошем духе писана...» (XIII, 240).

⁴³ *Œuvres complètes de Michel de Montaigne. Paris, 1924. Т. 1: Les Essais. P. 2–3 2-me pag.* Перевод: «Я изображаю самого себя, я сам — предмет моей книги» (*фр.*).

¹ *Lettres angloises, ou Histoire de Miss Clarisse Harlove. Nouvelle édition, augmentée de l'Eloge de Richardson, des lettres posthumes et du Testament de Clarisse. Paris, 1777.* В настоящее время этот экземпляр «Клариссы» (14 томов в 7 переплетах) хранится в рукописном отделе Пушкинского дома (ф. 244, оп. 1, № 797). См.: *Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском*